

Психологический портрет кибержертвы: анализ нарративов и тестирования

Научный руководитель – Семенова-Полях Галина Геннадьевна

Талашкевич Виктория Дмитриевна

Студент (бакалавр)

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт психологии и образования, Казань, Россия

E-mail: vikat29@mail.ru

В современном обществе почти каждый человек имеет доступ к цифровому миру. Наравне с прогрессом возрастает проблема кибермошенничества. Субъективный опыт кибержертв и осмысление ими собственной роли в подобных ситуациях раскрыт фрагментарно. В связи с этим целесообразно использовать тандем количественного и качественного методов исследования для понимания психологических механизмов переживания и разработки дополнительных профилактических мероприятий в борьбе с интернет-мошенничеством.

Цель исследования: дать психологический портрет кибержертв в призме анализа их нарративов, а также тревожности в структуре кибервиктимности личности (на примере подростково-юношеского возраста). Опрос 63 школьников проводился на базе школ г. Казани. Нарративы исследовались посредством тематического анализа структурированного интервью по методу V.Braun, V.Clarke (2006) [1]. Количественный анализ данных построен на тестировании («Шкала самоуважения» М. Розенберга, «Методика измерения подростковой тревожности» (МИПТ) Ю.А. Зайцева, «Шкала кибервиктимизации» Д.В. Жмурова) с последующей корреляцией Спирмена.

Анализ первичных нарративов показал, что есть различия в фокусе внимания жертв и не жертв кибермошенничества, а также в позициях рассказчиков. Респонденты, которые в процессе коммуникации смогли заподозрить факт мошенничества и прекратили взаимодействие с сомнительным ресурсом (не жертвы), находятся «над ситуацией». В историях они описывают преимущественно инструменты цифрового продвижения (рекламу, интернет-магазин, телеграм-канал), фиксируют свои операции, проявляют ситуативную бдительность и критичность, эмоционально менее вовлечены, рассудительны, умеют идентифицировать подозрительные и неуместные операции («наткнулся на подозрительный интернет ресурс», «через пару минут заметил странности», «опечатки в текстах», «отсутствие реальных контактов», «отзывы были явно шаблонными»). Общим для всех подростков стал акцент на желаемом результате (жертвы: «прокаченный аккаунт», «получение скинов», «сэкономить; не жертвы: «обещали бесплатные курсы», «быстрое зачисление денег или что-то подобное»).

Решающим фактором виктимизации стали доверительное взаимодействие с мошенником («я играл с человеком на одном сервере», «мой давний знакомый предложил поиграть», «нашел там продавца») и популярность площадки («пришло сообщение от сайта мвидео», «на сайтах в ВК продавали»). В контакте жертвы не придавали значения маркерам преступных действий, осознание произошедшего отсрочено во времени: «когда меня заблокировали», «он меня заблокировал», «в самом конце, когда ничего не исправить». Они описывают процесс взаимодействия: «не отвечают на вопросы», «был очень настойчивым и уверенным в своих словах». Жертвы в рассказах - объект воздействия, а не субъект выбора.

Замечено, что не жертвы в процессе взаимодействия с сомнительным ресурсом отметили у себя изменение в эмоциональном состоянии: («сначала была любопытность, но потом появилась тревога», «чувство неуверенности, переменчивое чувство волнения»). Ни один

респондент не указывал на равновесное состояние. Опрашиваемые (100%), которые попались на уловки мошенника, не выделили эмоциональный переход. Акцент делался на отсутствие ясности («не до конца понимал, что это мошенничество», «непонимание что происходит», «не знала всю истину»). Не жертвы, испытывая интерес, сохраняли способность прислушаться к появляющейся тревоге, тогда как жертвы не придавали ей особого значения: «Небольшая тревожность, но незначительная чтобы не совершать сделку». Потребность в поддержке (рассказ о случившемся акте мошенничества) была актуализирована у (90%) всех опрашиваемых. Поддержка оказывалась представителями близкого и формального круга общения.

Анализ мотивов показал, что не жертвы (100%), предостерегали своей историей свое социальное окружение («чтобы друзья и знакомые были начеку»; «чтобы он был повнимательнее»). Жертвы (50%) делились опытом для эмоциональной разгрузки «грустно было, хотел поговорить насчет этого с кем-то», «мне было тяжело держать это в себе».

Количественное исследование проблемы показало, что тревожность играет важную роль в кибервиктимизации личности школьников. Переживание тревог в отношениях с родителями и восприятию своего будущего ($\rho = -0,287$ при $p \leq 0,05$) увеличивает риск стать жертвой цифрового мошенничества. Напряжение в подростково-родительских отношениях сопряжено с опытом реальных киберугроз ($\rho = 0,325$ при $p \leq 0,05$). Тревожность посредством снижения самоуважения ($\rho = -0,354$ при $p \leq 0,01$) снижает эффективность защитных стратегий личности в киберпространстве. Заметим, что и кибервиктимность может усугубить тревожное состояние. Формируется замкнутый круг: тревога создает условия для кибервиктимности, обеспечивающей неспособность личности противостоять кибератакам, а повторные неудачи подкрепляют роль «жервы».

Повышенная и неотрефлексируемая тревожность создает фон уязвимости, снижает самоуважение и ослабляет способность к проактивному копингу во взаимодействии с мошенником. Количественно это проявляется в росте кибервиктимности, а качественно в субъективной позиции объекта воздействия, внешнем локусе контроля и игнорировании эмоциональных маркеров угрозы. Тревожность выступает не только предиктором кибервиктимизации, но и психологическим механизмом, благодаря которому не жертвы завершили коммуникацию с сомнительным ресурсом.

Таким образом, качественный анализ показывает различия в субъективной позиции подростков при столкновении с интернет-мошенничеством, что дополняется количественными данными, показывающими роль тревожности и снижения самоуважения как факторов, повышающих риск кибервиктимизации. Объединение качественного анализа нарративов и количественных данных позволяет более целостно описать психологические механизмы кибервиктимности подростков.

Источники и литература

- 1) Braun V., Clarke V. // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3, no. 2. P. 77–101.